

Л. П. Маринович

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ПОЛИСЫ МАЛОЙ АЗИИ

(К постановке проблемы)

СРЕДИ проблем, которым посвящена поистине необозримая литература об Александре Македонском, его деятельности и личности, заметное место занимает вопрос об его отношениях с греками. Как справедливо отметил Е. Бэдиан, «немногие проблемы истории Александра Великого дебатировались больше и с большей страстью»¹. Современное состояние разработки этой проблемы дано Я. Зейбертом², однако соответствующий раздел его книги краток, к тому же Я. Зейберт рассматривает преимущественно вопрос о том, включил ли Александр полисы Малой Азии и прибрежных островов в Коринфский союз или нет. Поэтому кажется целесообразным обратиться к истории вопроса, основное внимание уделив, естественно, более новым исследованиям.

До середины 30-х гг. преобладало мнение, согласно которому греческие города Малоазийского побережья, получив от Александра свободу, пользовались тем же статусом, что и государства собственно Эллады³. Эта точка зрения отчасти восходит к И. Г. Дройзену и связана с преклонением перед личностью Александра и идеализацией его. И. Г. Дройзен писал о бескорыстии и щедрости македонского царя по отношению к городам Малой Азии, которым снова были «возвращены свет и воздух», о «высокой благодати их нового положения» — «быть в царстве своего освободителя свободными политиями»⁴. Следует, однако, отметить, что, в отличие от целого ряда последующих историков, отождествлявших положение полисов собственно Греции и Малой Азии, И. Г. Дройзен предполагал, что Александру было наиболее выгодно создать из освобожденных греческих городов Малой Азии противовес «весьма ненадежным союзникам» в Греции, принужденным присоединиться к Македонии «сплою оружия»⁵.

¹ E. Badian, *Alexander the Great and the Greeks of Asia*, in: «Ancient Society and Institutions: Studies presented to Victor Ehrenberg on his 75th Birthday», ed. E. Badian, N. Y., 1967, стр. 37.

² J. Seibert, *Alexander der Grosse*, Darmstadt, 1972, стр. 85—90. См. также R. Andreotti, *Il problema di Alessandro Magno nella storiografia dell'ultimo decennio*, *Historia*, I, 1950, Ht 4, стр. 587 сл.

³ Ср., например, В. Niese, *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*, I, Gotha, 1893, стр. 163; К. J. Veloch, *Griechische Geschichte*, IV, 1², В.—Lpz, 1925, стр. 14 сл.; Er. Meyer, *Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien*, Zürich — Leipzig, 1925, стр. 8; J. Kaerst, *Geschichte des Hellenismus*, I³, Lpz — В., 1927, стр. 344. См. также E. Bickermann, *Alexandre le Grand et les villes d'Asie*, REG, XLVII, 1934, № 222, стр. 347 сл.

⁴ И. Г. Дройзен, *История эллинизма*, пер. М. Шелгунова, т. 1, М., 1890, стр. 131.

⁵ Там же.

Как крайний пример идеализации назовем книгу Ж. Раде⁶. Для него Александр — гений, новый Ахилл, несущий на Восток высшую эллинскую цивилизацию и выполняющий великую историческую миссию. Поход Александра — это скорее не военная кампания, а почти триумфальное шествие по земле, где еще был жив греческий дух. Отношение Александра к городам определялось тем, в какой мере они сохранили свое «эллинство», греческие традиции и религию; вдохновленный поэмами Гомера, царь покровительствовал старым полисам и их храмам. Понимание Ж. Раде политики Александра по отношению к полисам особенно ясно из следующих заключительных слов соответствующей главы: «Все надежды, которые эллинство возлагало на своего главу, молодой Аргеад оправдал и превзошел. Он совмещал, в благородстве высшей гармонии, утилитарные нужды политики и поэтические традиции мифологии», являя совершенное равновесие между пылким мягкосердечием и высочайшим здравым смыслом гения⁷. Описанию благодеяний царя, оказанных малоазиатским грекам, в основном и посвящена небольшая глава о городах⁸.

От этого направления отходят те ученые, которые, не ограничиваясь общими указаниями на освобождение городов Малой Азии, ставят вопрос о характере их свободы. Особого упоминания заслуживает работа А. Баумбаха⁹. Написанная еще в 1911 г., его книга о Малой Азии стоит несколько особняком в тогдашней литературе и отчасти незаслуженно забыта современными историками¹⁰. Привлекает внимание уже постановка вопроса: А. Баумбах изучает взаимоотношения царя и городов. Он останавливается на позиции полисов Малой Азии по отношению к македонянам, говорит о внутренней борьбе в городах, указывает на роль гарнизонов, анализирует понятия свободы и автономии. По мнению А. Баумбаха, Александр был волен как предоставлять полисам привилегии, так и отнять их, в любое время он мог вносить изменения в их положение. Он вернул малоазиатским грекам «как муниципальную, так и политическую самостоятельность», но освобожденные полисы не были с ним в свободных союзнических отношениях, а находились в зависимости от своего освободителя. С отдельными городами Александр заключал договоры и, формально признавая их свободу и автономию, требовал над ними контроля¹¹.

Исходной для П. Жуге¹² является идея о том, что Александр стремился к смешению рас. В этой политике ведущее место отводилось грекам, греческой цивилизации, один из основных элементов которой составляли независимые города. Отсюда — внимание и милости, которыми Александр щедро одарял старые полисы Ионии, Эолиды и Пропонтиды. Но перед Александром встала трудная проблема: как соединить автономию полисов с суверенитетом царской власти. Его отношение к малоазиатским городам не было одинаковым. Даровав им свободу и автономию, македонский царь вмешивался в их внутреннюю жизнь. Однако источники не позволяют определить различные для отдельных городов уровни этой независимости и этого подчинения¹³.

Известный перелом в изучении занимающей нас проблемы знаменовала

⁶ G. R a d e t, Alexandre le Grand, P., 1931.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 42—50.

⁹ A. B a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander dem Großen, Jena, 1911.

¹⁰ По мнению Я. Зейберта (не совсем, впрочем, справедливо), А. Баумбах во многом предвосхитил выводы Э. Бикермана, который даже не ссылается на него (S e i b e r t, Alexander, стр. 86, 226, прим. 19, 20).

¹¹ B a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander..., особенно стр. 83—93.

¹² P. J o u g u e t, L'impérialisme macédonien et hellénisation de l'Orient, P., 1937.

¹³ Там же, стр. 99—103.

статья Э. Бикермана «Александр Великий и города Азии»¹⁴, первая, насколько нам известно, работа, специально посвященная данной проблеме.

Традиция, по мнению Э. Бикермана, сохранила достаточно свидетельств об отношении Александра к городам, однако эта проблема была неверно поставлена, так как от Грота до нынешних историков источники рассматривались с точки зрения политической, тогда как к проблеме следует подойти с точки зрения общественного права. Для этого достаточно признать два простых постулата: Александр вел войну против Персидского государства; он руководствовался законами войны своего времени¹⁵.

К 338 г. до н. э., когда Филипп основал Коринфский союз, международные отношения в Греции регулировались миром 386 г. до н. э., согласно которому полисы Малой Азии принадлежали персидскому царю, а остальные греческие города были свободными и автономными. Готовясь к войне с Персией, Александр думал не об освобождении греков Азии (к чему стремились эллины в 479 и 396 гг. до н. э.), но хотел завоевать ее. В отличие от современных ученых, он прекрасно понимал разницу между свободными греками собственно Эллады и островов Эгейского моря и малоазийскими греками — подданными «великого царя». Для древних лучшим способом приобретения собственности считался ее захват. Города, взятые силой, как правило, подвергались разграблению; города, приобретенные путем капитуляции, пали. Именно такими нормами права IV в. до н. э. и руководствовался Александр. Он не делал различия между «эллинами» и «варварами», но различал тех, кто подчинился ему, и тех, кто оказал сопротивление. «Его принцип — не расовый, но империалистический: *pacere subjectis et debellare superbos*» (стр. 360). Он не заключал с побежденными никаких договоров, в источниках нет упоминаний о *συμμαχία* и *συνθήκαι*, а лишь иногда говорится об условиях, на которых происходила капитуляция.

В общем, способ подчинения определял статус побежденного. Александр требовал безусловной капитуляции, которая, по греческим обычаям, гарантировала сохранение прежнего статуса, но отдельные города получали определенные привилегии. Свидетельства источников о даровании свободы и автономии Э. Бикерман рассматривает скорее как частные случаи (стр. 363). Обращаясь к сведениям о свободе, которую Александр даровал полисам Малой Азии, Э. Бикерман подчеркивает пропагандистский характер обещаний и действий македонского дара. Теория современных ученых об освобождении азиатских греков, по мнению Э. Бикермана, основывается на двойном недоразумении. Первое: «свобода» воспринимается как синоним «демократии», в чем не оставляют сомнений Diod., XVII, 24, 1; Arr., Anab. I, 18, 2 и надписи Приены времени Александра (IvP, 2—4). Второе недоразумение проистекает из смешения юридического и фактического положения. Многие полисы Малой Азии были «свободными» при Александре. Это понятие свободы включало автономию, освобождение от юрисдикции сатрапов, от выплаты каких-либо налогов, освобождение от царского гарнизона, наконец, демократический строй, т. е. полис обладал правами, которые были признаны за членами Коринфского союза. Однако это положение *de facto* скрывает коренное различие в положении *de jure*. Свобода греков Эллады была исконной, первичной (*originelle*), Александр не мог ни дать ее, ни отобрать; «свобода» греков Азии была вторичной (*secondaire*), она ведет свое происхождение из права завоевания и не имеет никакой другой причины, кроме воли и желания (*la volonté*) Александра. Она покоится на произволе царя (*bon plaisir*) и имеет основанием

¹⁴ См. прим. 3; см. также E. Bickerman, Cl. Phil., XLV, 1950, № 1, стр. 41.

¹⁵ Bickerman, Alexandre le Grand..., стр. 353.

только односторонний акт. Эта свобода могла быть и очень широкой, но всегда оставалась прекарной и тем самым отменяемой (стр. 369 сл.). Александр мог отобрать у полиса часть его территории или даровать ему новые земли, мог вообще подарить город, как он предложил на выбор Фокиону один из четырех городов — Киос, Гергит, Элею или Миласы (Plut., Phoc. XVIII)¹⁶. По отношению к ним македонский царь — победитель и полноправный хозяин.

Отмечая, что завоевание Азии было делом не только македонских сил, но и контингентов греков — членов Коринфской лиги, Э. Бикерман подчеркивает, что ни сам союз, ни входившие в него государства ничего не получили в результате завоеваний — ни завоеванных городов, ни добычи, однако это обстоятельство не вызвало у них никакого недовольства. Объяснение Э. Бикерман находит в том, что не жажда завоеваний побудила Коринфскую лигу начать войну, а стремление наказать персов. Выступая гегемоном союза, Александр руководствовался по отношению к Персии принципом талиона: персы грабили Грецию — Александр грабил Персию, восстановив на вражеские деньги Платей; персы жгли города и храмы греков — Александр сжег Персеполь; персы вторглись в Элладу — Александр вел греческие контингенты до Экбатан и положил конец «войне репрессалий», отослав союзные войска домой. Но персы не захватили ни пяди греческой земли — эллинский союз тоже не получил ничего; Александр удержал эти земли для себя в силу другого права — права победителя¹⁷.

Основной вывод Э. Бикермана: Александр завоевал Персидское государство, подчинив и греческие города. Некоторым из них по своему усмотрению он даровал «свободу». Утверждая, что все определялось произволом царя, Э. Бикерман преувеличивает, как кажется, субъективный момент в действиях Александра, который должен был учитывать и официальные лозунги войны, и конкретную обстановку: расстановку сил, позицию того или иного города. Тем самым Э. Бикерман в конечном счете вообще отрицает какую-либо политику по отношению к полисам Малой Азии. У него мы не найдем ни слова об изменении положения полисов, об определенном этапе их развития. Более того, Э. Бикерман вообще отрицает какое-либо развитие городов, считая, что в течение ряда веков в их положении не произошло никаких изменений. Политика Александра не представляла ничего нового: так же действовали ассирийцы, затем Ахемениды, после Александра — диадохи и римляне. Юридическая связь между городами и государством оставалась одинаковой от Кира до Цезаря, это была *graeca libertas* завоеванных, когда законы диктуются победителями и принимаются побежденными¹⁸.

Через четыре года после статьи Э. Бикермана появилась книга В. Эрэнберга, один из очерков которой называется «Александр и освобожденные греческие города»¹⁹. Соглашаясь с основными выводами Э. Бикермана, В. Эрэнберг развивает и уточняет некоторые его положения. Но не это прежде всего определяет интерес его статьи. Вопрос об отношении Алек-

¹⁶ Там же, стр. 349; 370; cf. W. W. T a r n, Alexander the Great. II, Camb., 1948, стр. 222—227.

¹⁷ B i c k e r m a n n, Alexandre le Grand..., стр. 365—367.

¹⁸ Там же, стр. 374. Критику взглядов Э. Бикермана, как «образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченно-юридическими категориями», см. А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 50 сл. Cf. M. R o s t o v t z e f f, The Social and Economic History of the Hellenistic World, I, Oxf., 1941, стр. 153. См. также рец. В. Тарна на кн. М. Ростовцева: JRS, XXXI, 1941, стр. 167.

¹⁹ V. E h r e n b e r g, Alexander and the Liberated Greek Cities, in: «Alexander and the Greeks», Oxf., 1938, стр. 1—51. См. также рец. В. Тарна: Cl. Rev., LII, 1938, № 6, стр. 234 сл.

сандра Македонского и городов Малой Азии рассматривается им как часть более широкой проблемы: полис и эллинистическое государство. Полемизируя с П. Цанкан²⁰, по мнению которой положение полисов в эллинистическом государстве определялось симмахией, заключенной между полисом и царем, В. Эренберг считает, что основы подчиненного положения полисов в эллинистическую эпоху были заложены при Александре. Александр постепенно усиливал свои позиции по отношению к ним как к подчиненным, так что к концу его царствования даже над государствами Греции нависла угроза подчинения.

Выяснение позиции греческих городов в империи Александра В. Эренберг начинает с вопроса о Коринфском союзе, считая, что именно от решения проблемы, были ли города, находившиеся под властью Персии, допущены в Коринфский союз, зависит наше понимание их положения. Решая этот вопрос отрицательно, В. Эренберг в основном разделяет взгляды Э. Бикермана на природу и характер свободы малоазийских полисов: автономию и свободу, которыми, несомненно, пользовалось большинство полисов Малой Азии, как и освобождение их от гарнизонов и налогов, следует рассматривать как односторонний дар и проявление благосклонности со стороны македонского царя, как лично им дарованные привилегии. Эти привилегии не исключали права Александра вмешиваться в их политическую и экономическую жизнь, когда бы и каким бы образом он ни захотел.

Не соглашаясь с Э. Бикерманом в том, что линия раздела между греками и персами ко времени похода определялась Анталкидовым миром, В. Эренберг по существу развивает дальше взгляды Э. Бикермана, распространяя его понимание характера свободы полисов Малой Азии на ряд островов Восточной Эгеиды²¹. Некоторые из них, как предполагает В. Эренберг, возможно в 334 г. до н. э. добровольно принял сторону Александра, вошли в Коринфский союз, но после завоевания их Гегелом положение изменилось, и Александр теперь уже мог требовать права, которые принадлежали ему как победоносному завоевателю. Если эта зависимость и имела, как в случае с Митиленой, внешнюю форму соглашения (*συμμαχία*), она не означала договора между равными сторонами, как в Коринфском союзе; это было состояние, «которое колебалось между автономией и подчинением, между союзом (*alliance*) и вассальной зависимостью (*allegiance*)» (стр. 32). Греческие города Малой Азии и островов оказались в зависимости от Александра не как гегемона и стратега Коринфского союза, а как царя Азии. Завоевав эти города и подтвердив их автономию, т. е. сохранив таким образом их полисный характер, Александр по праву завоевателя подчинил их себе.

В то же время именно к Александру восходит очевидное для эллинистической эпохи сочетание автономии и демократии. Демократия стала в сознании греков адекватна свободе (*αὐτονομία καὶ ἐλευθερία*); для городов, лишенных со времен Александра самостоятельности во внешней политике, внутренняя свобода становится все более необходимой (стр. 36).

Подводя итоги, В. Эренберг подчеркивает, что свобода, которую Александр дал грекам Малой Азии, — это результат определенной политики, продиктованной обстоятельствами: не ради нее были предприняты поход, панэллинические идеи нужны были как лозунг, Коринфский союз — как прикрытие (Александр нуждался, кроме того, в греческом флоте).

²⁰ P. Z a n c a n, *Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi*, Padua, 1934. Критике ее взглядов отведено довольно большое место в книге В. Эренберга (стр. 47—51). См. также К. К. З е л ь и н, *О государстве в эллинистический период*, ВДИ, 1959, № 1, стр. 147.

²¹ E h r e n b e r g, *Alexander and the Liberated...*, стр. 16 слл.

Говоря об освобождении греческих городов, В. Эренберг, по его словам, имел в виду освобождение от Персии²². «Но почти с равным основанием мы можем называть их завоеванными городами»²³.

В первые годы похода Александр порывает с панэллинизмом и, отослав греческие контингенты домой, окончательно освобождается от него; греки и их проблемы отходят на задний план. Только по возвращении из Индии, желая быть обожествленным, Александр увидел новый объект в своих отношениях с греками. Но к этому времени Коринфский союз потерял для него всякое значение, и царь мог теперь с ним не считаться, что и подтверждается известным декретом 324 г. до н. э. о возвращении изгнанников. Эдикт противоречил принципу невмешательства во внутренние дела греческих государств. Принуждая греков действовать согласно своей воле, Александр нарушил их автономию. Тем самым он уничтожает различия между полисами — членами Коринфской лиги, и греческими городами Малой Азии — своими подданными, и стремится сделать зависимость эллинов всеобщей, но смерть помешала ему²⁴.

В общем, как ясно, В. Эренберг разделяет взгляды Э. Бикермана, уточняя и развивая их. Но проблема рассматривается им более широко в двух планах: хронологически — он отмечает усиление зависимости городов от Александра, его стремление распространить эту зависимость на полисы Греции — членов Коринфской лиги, и, второе, в политике Александра В. Эренберг видит создание основ того положения, которое полисы занимали в эллинистических государствах.

В 1948 г. вышла двухтомная работа В. В. Тарна «Александр Великий». В первом томе, представляющем несколько переработанный и дополненный вариант соответствующей части т. VI «Cambridge Ancient History», автор, излагая поход Александра, несколько страниц уделяет полисам Малой Азии²⁵. Том второй содержит отдельные очерки, в числе которых очерк «Александр и греческие города Малой Азии»²⁶. В трактовке В. В. Тарном этого вопроса следует отметить две черты. Во-первых, ярко выраженная идеализация Александра. Его работа принадлежит к апологетическому направлению, основы которого были заложены Э. Мейером и У. Вилькеном и наиболее последовательным представителем которого является наряду с Ч. А. Робинсоном В. В. Тарн²⁷. История завоевания Александра — это прежде всего история «его изумительной личности». Александр — первый интернационалист, поборник братства и единства народов, намного опередивший свое время. Походы его вовсе не имели завоевательный характер, но несли на Восток эллинскую культуру, «этический и интеллектуальный прогресс». С точки зрения этих «великих принципов» деятельности Александра²⁸ трактуется и отношение его к

²² Cf. G. Tibiletti, Alessandro e la liberazione delle città d'Asia Minore, Athenaeum, N. S., XXXII, 1954, fasc. I—II, стр. 3—22.

²³ Ehrenberg, Alexander and the Liberated..., стр. 39.

²⁴ Там же, стр. 39—41, 103.

²⁵ Tarn, Alexander the Great, I, Cambr., 1948, стр. 31—36.

²⁶ Там же, II, стр. 199—232.

²⁷ Критику см. М. Н. Ботвинник, Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском, ВДИ, 1952, № 1, стр. 173 слл.; Г. А. Рошелевко, Некоторые основные проблемы истории эллинизма в современной зарубежной литературе, «XIV Международный конгресс исторических наук. Материалы к конгрессу», вып. VI. «Проблемы эллинизма», М., 1975, стр. 21 сл.; А. С. Шофман, Восточная политика Александра Македонского, Казань, 1976, стр. 33 сл.; E. Bickerman, Cl. Phil., XLV, 1950, № 1, стр. 41—45. См. также Г. А. Рошелевко, Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 1, стр. 75.

²⁸ Tarn, Alexander the Great, II, стр. 199.

городам Малой Азии. Вторая черта — четко выраженная антибикермановская направленность очерка, значительная часть которого представляет опровержение системы аргументации Э. Бикермана. Указав, что историки нового времени, в общем, единодушны в том, что Александр восстановил свободу малоазийских греков, В. В. Тарн отмечает, что после появления статьи Э. Бикермана вопрос формулируется следующим образом: восстановил ли Александр городам их исконную свободу или он обращался с ними точно так же, как и с покоренными азиатами, сделал частью своей империи; автономия же, которую он дал некоторым из полисов, — это проявление милости с его стороны и личный дар.

В. Тарн справедливо отмечает, что наша информация о городах относится к 334 и 333 гг. до н. э., когда все действия Александра диктовались войной с превосходящими силами персов. Александр, не знавший (в отличие от нас) результатов похода, тогда еще не думал о завоевании всей Персидской империи и действовал прежде всего как гегемон панэллинского союза (II, стр. 200).

Обращаясь к греческой концепции свободы, В. Тарн стремится доказать, что Э. Бикерман не прав, говоря о различиях в положении малоазийских полисов и городов собственно Греции. Полисы Малой Азии, находясь под властью Персии, никогда не отказывались от своей свободы — единственный метод, путем которого, по мнению В. Тарна, они юридически могли потерять эту свободу (II, стр. 203). Греческая концепция свободы означала, что свободный полис — это суверенное государство, которое само решает свои как внутренние, так и внешние дела; понятия *ἐλευθερία* и *автоνομία* идентичны. Персидское правление препятствовало осуществлению этих прав, но не уменьшило их *de jure*. Когда Александр устранял это препятствие (акт изгнания персидского гарнизона), восстановив свободу, все права стали снова осуществляться полисом. Но восстановление Александром полной свободы полисов с точки зрения юридической не означало неизбежно, что город на деле получал возможность пользоваться всеми правами, например, воевать с соседями, что для греческих городов слишком часто означало внешнюю политику. Ряд городов Греции, несомненно свободных, являясь, например, членами Пелопоннесского или Беотийского союза, на практике были лишены возможности проводить собственную внешнюю политику. Входя в Коринфский союз, греческие города подчиняли свою внешнюю политику номинально союзу, а в действительности — македонскому царю. Так и для полисов Малой Азии, хотя Александр и восстановил (наряду с другими старыми правами) их право внешней политики, его огромная власть на практике делала невозможной ее осуществление. В эпоху эллинизма это было своего рода «дремлющее», но не умершее право; практически же (но не юридически) свобода означала отсутствие гарнизона и освобождение от фороса (II, стр. 206). Само по себе правление персов не было тяжелым для греков, но оно неразрывно связано с олигархическим строем, поэтому освобождение от персов не мыслилось без установления демократии (II, стр. 207).

Полемизируя с Э. Бикерманом, В. В. Тарн отмечает, что Александр в эти годы не думал об юридическом оформлении своих отношений с городами Малой Азии. Его занимали военные проблемы: скорейшая встреча с Дарием и действия персидского флота. Обе эти проблемы могли быть решены, если греческие города станут свободными, т. е. если его друзья-демократы придут к власти (II, стр. 213). Провозгласив свободу и демократию, Александр тем самым немедленно привлек греков Малой Азии на свою сторону. Каждый полис получил независимость и стал свободным союзником Александра (I, стр. 31 сл.). Говоря о том, что Александр обращался с полисами как «властитель Азии», Э. Бикерман, по мнению

В. В. Тарна, неправ, так как в 334—333 гг. до н. э. Александр еще не был таковым (II, стр. 208).

В советской литературе проблема «Александр и полисы Малой Азии» специально рассматривалась А. Б. Рановичем²⁹. В своей работе об эллинизме А. Б. Ранович отмечает важность изучения политики Александра по отношению к городам Малой Азии для суждения о характере нового типа государственного строя, возникавшего уже в начале его завоевательных походов. Приводя свидетельство Арриана (I, 18, 2) и Диодора (XVII, 24, 1) об освобождении македонским царем греческих городов, А. Б. Ранович подчеркивает, что при малых военных и денежных средствах, какими первоначально располагал Александр, ему было необходимо обеспечить тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобожденных городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось прежде всего военными соображениями, так как тираны, цари и олигархи держали сторону персов (стр. 49—50). «Освобождение эллинских городов способствовало тому, что война становилась популярной» (стр. 49). В этом отношении Александр следовал примеру Филиппа, лозунгом политики которого стал панэллинизм и который, направив Аттала и Пармениона в Азию, поручил им «освободить эллинские города» (Diod., XVI, 91, 2) (стр. 49).

В начальный период войны панэллинская идея еще задавала тон в политике Александра. Но уже первый акт, засвидетельствованный в приенской надписи 334 г. до н. э., отражает позицию македонского царя по отношению к малоазийским городам. Автономия и свобода Приены не означает ее независимости, хотя бы в форме включения в Коринфский союз: «не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна» (стр. 54). Судя по надписи из Хиоса, освобождение его не означало даже автономии. В процессе завоевания у Александра все более укреплялась идея мирового господства, и старые эллинские лозунги утрачивали свою актуальность.

Уделяя большое внимание выяснению понятия свободы, которую провозглашал Александр, А. Б. Ранович подчеркивает, что «именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия *ἐλευθερία*, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха» (стр. 53). «„Свобода“ была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор неизвестного» (стр. 53). «Политика Александра была гораздо шире, чем это кажется с узко эллинской точки зрения» (стр. 57). В своем отношении к малоазийским полисам Александр мог руководствоваться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, «но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической и общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и *Ἑλληνίδες πόλεις* была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества — эллинизм» (стр. 58).

Помимо анализа понятия свободы на основе прежде всего эпиграфического материала (что делалось и ранее) работа А. Б. Рановича интересна самой постановкой вопроса: политика Александра по отношению малоазийских городов рассматривается в широких исторических рамках, с точки зрения характера нового типа государственного строя, возникавшего, по мнению А. Б. Рановича, уже в начале завоевательных походов

²⁹ Ранович, Эллинизм..., стр. 49—58 (раздел фактически повторяет его статью: Александр Македонский и греческие города Малой Азии, ВДИ, 1947, № 4, стр. 57—63).

македонского царя как один из элементов сложения эллинизма³⁰. А. Б. Ранович указывает также на определенную преемственность в политике Филиппа и Александра, который следовал здесь примеру отца. Что касается нового положения городов Малой Азии, характера их «свободы» (но не природы ее), то следует отметить, что по существу выводы А. Б. Рановича близки выводам Э. Бикермана (которого он справедливо критикует за формально-юридический подход к проблеме): оба исследователя приходят к мысли о полной зависимости малоазийских полисов от власти Александра³¹.

Вместе с тем А. Б. Ранович в своей трактовке политики Александра, как кажется, несколько преувеличивает роль македонского царя, считая, что «завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до того не знал»³² (о чем уже писал К. К. Зельин³³). По-видимому, не будет несправедливым упрекнуть А. Б. Рановича и в том, что его Александру присущи черты определенного «провиденциализма». Как уже отмечалось, вряд ли Александр ясно сознавал, что создает государство нового типа³⁴.

Книга А. Б. Рановича осталась неизвестной Е. Бэдиану, автору большой статьи «Александр Великий и греки Азии»³⁵. Кратко останавливаясь на работах Э. Бикермана и В. Тарна, Е. Бэдиан отмечает, что статья Э. Бикермана явилась реакцией на культ Александра в историографии нового времени. Э. Бикерман первым показал слабость традиционно-наивного взгляда на отношения Александра к полисам Малой Азии. Напротив, В. Тарн в полном соответствии со своим мифом об Александре как гуманисте и царе-философе по существу восстанавливает традиционный взгляд на свободу греков при Александре. Опровергая теорию Э. Бикермана, получившую, по мнению Е. Бэдиана, всеобщее признание, В. Тарн приходит в противоречие с фактами³⁶. Трудно понять, замечает Е. Бэдиан, как ученый, столь хорошо знакомый с источниками, мог убедить себя в свободе полисов Азии при Александре. Его рассуждения о присущей городам нерушимой свободе *de jure* являются схоластическими.

Е. Бэдиан отмечает бесцельность дебатов о различиях между правовым статусом полисов и их фактическим положением: бессмысленно выявлять тонкие различия в положении *de jure* и *de facto* там, где все управлялось волей одного человека. Это в большой мере верно даже применительно к отношениям, прикрываемым великолепным фасадом Коринфской лиги, но с ее царскими наблюдателями и возможностью вмешательства царя в дела полисов почти по любому поводу (стр. 39). Поэтому Е. Бэдиан считает, что начинать надо с Филиппа, который основал Коринфский союз, запланировал азиатский поход и начал его: ученые слишком часто игнорируют, сколь многим Александр был обязан своему отцу.

Обращаясь к деятельности Пармениона и Аттала, посланных Филиппом в Азию с приказом «освободить эллинские города» (Diod., XVI, 91, 2), Е. Бэдиан особо выделяет захват Парменионом Гриниона, жителей которого он продал в рабство. Это — один из аспектов политики Филиппа. Другой аспект выявился в отношениях с Эфесом, демос которого сверг

³⁰ Мы не касаемся здесь вопроса о понимании А. Б. Рановичем сущности самого эллинизма, поскольку это не имеет отношения к рассматриваемой теме.

³¹ См. Кошелев, Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., стр. 75.

³² Ранович, Эллинизм..., стр. 51.

³³ К. К. Зельин, рец. на кн.: Ранович, Эллинизм... — ВДИ, 1951, № 2, стр. 148.

³⁴ Кошелев, Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., стр. 75.

³⁵ См. прим. 1. См. также E. Badian, The Administration of the Empire, «Greece and Rome», XII, 1965, № 2, стр. 166—182.

³⁶ Badian, Alexander the Great..., стр. 38.

проперсидского тирана и оказал почести македонскому царю, сделал его *βουχας* Артемиды. Под властью Македонии оказался ряд крупных городов на азиатском материке, но вопрос об их организации Филиппом решен не был (стр. 39—42).

Унаследовав от Филиппа роль главы «крестового похода» греков, Александр еще более, чем отец, подчеркивал панэллинский и почти священный характер войны с Персией (стр. 43). Эта роль неизбежно вела к освобождению городов, с которым Александр, однако, не спешил. Его политика сначала была колеблющейся и нерешительной, осторожной и двусмысленной; Александр не сделал никакой попытки отделить греков от варваров, свободу одних от свободы других. Только в Эфесе, когда к нему пришли послы из Магнесии и Тралл, Александр понял, чего требует обстановка: демократия и автономия были подняты до уровня общих принципов политики (стр. 45 сл.). Однако мы не знаем, коснулась ли новая политика уже занятых городов. Как и в других случаях, в отношениях с городами Александр проявил себя осторожным прагматиком, нигде не принимая на себя никаких связывающих его обязательств, пока в этом не было необходимости, но, используя благоприятные обстоятельства, он не медлил с решением, а приняв его, полностью отдавался осуществлению, видя путь, который должен был привести его к успеху. В этом Е. Бэдиан видит решающую черту характера Александра и главный секрет его успехов. Поэтому следует, по его мнению, с подозрением смотреть на все современные теории, создатели которых, опираясь «на накипь легенд», приписывают Александру дальновидную политику, с самого начала определившую его отношение к городам (стр. 46).

Истинный характер свободы греческих городов, освобожденных Александром, ясен из его вмешательства в дела Хиоса и Приены, но лучший пример дает Аспенд. Меры, принятые Александром для наказания города, свидетельствуют о том (как справедливо указал В. В. Тарн, полемизируя с Э. Бикерманом), что обычно полисы освобождались от гарнизона, налогов и контроля со стороны сатрапа. Они платили синтаксис и получали гарнизон только пока Александр считал это необходимым, в остальном же были свободными при условии полного повиновения Александру. Свобода их была ничтожной³⁷, независимо от того, входили ли полисы в Эллинскую лигу (европейская часть которой была под совершенно произвольным контролем Антипатра) или иным путем (с договорами или без них) находились под совершенно произвольной властью Александра или кого-нибудь из его приближенных.

В общем, заключает Е. Бэдиан, мнение Э. Бикермана, хотя и неточное во многих деталях (как это показал В. В. Тарн), в сущности верно, а «словесная дымовая завеса» не может скрыть факты, противоречащие взглядам В. В. Тарна (стр. 49).

Таким образом, Е. Бэдиан в общем разделяет взгляды Э. Бикермана на характер свободы полисов, хотя и критикует его по ряду вопросов. Следует только отметить то большое внимание, которое он (как и А. Б. Ранович) уделяет преемственности в политике Филиппа и Александра, подробно рассматривая действия Аттала и Пармениона, посланных Филиппом на Восток в 336 г. до н. э. Для правильного понимания характера статьи Е. Бэдиана укажем также, что более половины ее объема посвящено «проклятому» вопросу, включил ли Александр малоазийские полисы в Коринфскую лигу или нет. Но рассматривается этот вопрос не с точки зрения выяснения положения малоазийских полисов, анализа их свободы, как обычно (в таком аспекте он не стоит, по мнению Э. Бэдиана, потрачен-

³⁷ Букв. «пустынной» (*nugatory*) (там же, стр. 50).

ных на него чернил³⁸): организация империи Александра имеет для Э. Бэдиана свой собственный интерес — как один из аспектов изучения самого Александра, его методов, способностей и характера. Конечно, каждый ученый вправе обращаться к тем проблемам, которые интересуют его, однако при такой постановке вопроса, как у Е. Бэдиана, исчезает один из важнейших аспектов исследуемой проблемы — правовое обоснование власти Александра, ибо не только военной силой объединялась его держава³⁹.

А. С. Шофман в книге о восточной политике Александра Македонского⁴⁰ несколько раз обращается к вопросу об отношениях македонского царя с полисами Малой Азии: излагая фактическую историю похода, рассматривая организацию управления нового, созданного Александром государства и его градостроительную деятельность.

Как и А. Б. Ранович (на которого он ссылается), А. С. Шофман подчеркивает политические (или, точнее, военно-политические) соображения, которыми руководствовался Александр. «Широко рекламируя демагогический лозунг освобождения малоазийских греков от гнета и унижения, которым полвека назад они подверглись из-за диктата персидского правителя, Александр использовал его в политических целях для завоевания симпатий у населения городов Малой Азии» (стр. 52); он «был вынужден, чтобы придать своему походу антиперсидский характер (? — Л. М.), всюду восстанавливать демократию и выступать как враг тиранов» (стр. 189 сл.).

Высоко оценивая работу А. Б. Рановича, А. С. Шофман, однако, как кажется, не совсем точно излагает понимание им этой проблемы. По словам А. С. Шофмана, А. Б. Ранович показал, что «слово *'ελευθερία* во времена Александра означало только свободу от долгов и не включало в себя государственный суверенитет» (стр. 55). А. Б. Ранович, продолжает А. С. Шофман, «выдвигает интересную мысль о том, что Александр рассматривал "свободу" греческих городов с точки зрения нового мировоззрения своего времени, а именно: в эту эпоху задачей „эллинистических монархий было положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов“» (стр. 56). Как видим, элемент «провиденциализма» Александра у А. Б. Рановича в изложении его взглядов А. С. Шофманом еще более усилен.

Обращаясь далее к вопросу об организации управления, А. С. Шофман отмечает, что «Александр, широко рекламируя свободу малоазийским грекам, на деле ограничивал эллинскую власть в Малой Азии» (стр. 167). Его отношение к малоазийским городам определялось общими принципами македонской политики в Малой Азии. Александр возрождал те города, которые в его время утратили былое величие, пытался всюду оказывать знаки внимания эллинским традициям, но «трудность заключалась в том, чтобы примирить автономию этих маленьких государств с суверенной властью царя» (стр. 189). Александр «дал им своеобразную независимость, но под верховным надзором своего ставленника» (стр. 184). Все эти города «даже под властью персов пользовались эллинской конституцией, поэтому не было никакого резона ее отменить» (стр. 189). У Александра не было единого отношения ко всем полисам, что выразилось в их разной степени зависимости в соответствии с его волей. «Существование многих так называемых автономных и свободных городов доказывало, что все остальные не были таковыми. Имело место различная степень независимости и

³⁸ Там же, стр. 50.

³⁹ На что обратил внимание Г. А. Кошелевко (Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., стр. 75, прим. 74).

⁴⁰ См. прим. 27.

подчинения» (стр. 190). Уплата синтаксиса свидетельствует, что «и свободные города подчинялись воле царя и власти его сатрапов. В ежедневную жизнь городов царь старался не вмешиваться, позволяя им решать ряд своих внутренних задач» (стр. 191). «Видимо, царь осуществлял высший надзор за законодательством и руководством каждого города» (стр. 191).

В рамках данной работы нет необходимости останавливаться на сложных и далеко еще не во всем ясных источниковедческих проблемах похода Александра⁴¹. Ограничимся немногими замечаниями, имеющими непосредственное отношение к изучаемой проблеме.

Походы Александра вызвали обширную литературу. Уже в первое столетие после них появился ряд произведений, написанных как приближенными царя, так и историками (Каллисфен, Птолемей, Онесикрит, Клитарх, Аристубул и др.), но от этой литературы сохранились лишь скудные фрагменты. Все известные нам сочинения об Александре относятся ко времени Римской империи. Это «Историческая библиотека» Диодора, «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа, биография Александра, принадлежащая Плутарху, «Поход Александра» Арриана и «*Historiae Philippicae*» Помпея Трога, известные только в извлечениях Юстина.

Произведения эти создавались в то время, когда уже сложилась определенная традиция об Александре. Одно течение — идеализирующее Александра — восходит к самым первым историям походов, написанным Аристубулом и Птолемеем, от которых оно перешло к Арриану; эта же линия наблюдается у Плутарха. Противоположное направление прослеживается в трудах Помпея Трога и Курция Руфа. Традиции осложнил целый ряд факторов: цели труда, общие взгляды автора, приемы обращения с источниками, особенности стиля и т. п.

Характер дошедших сочинений об Александре весьма разнообразен: труд Арриана посвящен самому походу, так же как и произведение Курция Руфа; Диодор и Помпей Трог рассказывают об Александре, излагая всеобщую историю, Плутарх написал биографию Александра. Сведения по интересующему нас вопросу, которые можно извлечь из всех этих произведений, в общем делятся на две группы; замечания общего характера и указания на взаимоотношения Александра с отдельными городами.

У Диодора, Арриана и Плутарха дается общая характеристика политики царя по отношению к городам⁴². Факт этот необходимо подчеркнуть: так как отсюда, очевидно, следует, что уже в древности понимали наличие такой политики.

Все историки говорят о городах лишь в связи с военными действиями, что понятно, так как цель их произведений или соответствующих глав — прежде всего описание похода. Это определяет, во-первых, незначительность самих свидетельств; во-вторых, их односторонность; в-третьих (и это особенно существенно), то обстоятельство, что об отношении Александра с городами можно судить только в начальный период похода, в 334—333 гг. до н. э.; затем греко-македонские войска уходят на Восток, и города побережья совершенно выпадают из поля зрения наших авторов. Немногочисленность и односторонность данных источников выражается,

⁴¹ T a g n, Alexander the Great, II, стр. 1—133, 286—309; M. A. L e v i, Introduzione ad Alessandro Magno, Milano, 1977; S e i b e r t, Alexander..., стр. 1—42 (изложение основных взглядов и библиография). См. также A n d r e o t t i, Il problema di Alessandro..., стр. 583 сл.; E. B a d i a n, Alexander the Great, 1948—67, in: «The Classical World Bibliography of Greek and Roman History», with a New Introduction by W. Donlan, N. Y.—L., 1978, стр. 197 слл. Из новой литературы отметим еще статью: A. B. B o s w o r t h, Errors in Arrian, Cl. Q., XXVI, 1976, № 1, стр. 117—139.

⁴² D i o d., XVII, 24,4; A r r., Anab. I, 18,2; P l u t., Alex. XXXIV, 2.

в частности, в том, что далеко не все стороны взаимоотношений Александра и городов могут быть прослежены и не во всей полноте. Источники говорят об отношении городов к царю (очень мало), о свободе, автономии, демократии и олигархии, о гарнизонах, форосе, но применительно лишь к немногим городам. Часто это отдельные замечания, мимоходом брошенные фразы, которые приходится выбирать из подробных описаний военных действий.⁴³

Для выявления причин и целей политики Александра большое значение имеет выяснение внутреннего положения в городах, борьбы между олигархами и демократами, но о ней известно мало. Обычно об этом можно судить только по результатам — смене форм государственной власти.

Характер произведения, цели автора, его источники, манера письма, сохранность произведения — все это определяет различную ценность источников для разрешения поставленных в работе задач.

Наиболее важный источник — «Анабасис» Арриана. Арриан подробно излагает военную историю и в связи с этим говорит о многих городах и не только таких крупных, как Сарды, Эфес, Милет, но и более мелких: Зелея, Приап, Ксанф и другие. Он называет множество городов, взятых Александром, иногда, правда, ограничиваясь замечаниями общего характера, вроде: на пути из Милета в Галикарнасс Александр овладел городами, между ними расположенными (Anab. I, 20, 2).

Изложение у Курция Руфа тоже подробное, но не сохранились две первые книги его труда, о чем приходится сожалеть, особенно учитывая в общем отрицательное отношение историка к царю. Сохранившиеся сведения начинаются с 332 г. до н. э., поэтому у Курция мы находим подробный рассказ только о событиях на Хиосе, Лесбосе и Тенедосе.

Для всех других историков характерна краткость изложения похода, отсюда и крайняя скудость сведений по рассматриваемой теме. Диодор упоминает только о самых крупных городах (Сарды, Милет, Хиос, города Лесбоса), о которых он не сообщает по существу ничего нового. Плутарх называет еще меньшее число полисов. История Помпея Трога, сохранившаяся лишь в конспективном изложении Юстина, по интересующему нас вопросу не дает почти ничего.

В нашем распоряжении есть, кроме того, ряд надписей времени Александра: рескрипты Хиосу⁴³ и Приене⁴⁴, два декрета (Тегей⁴⁵ и Митилены⁴⁶), вызванные указом о возвращении изгнанников, серия надписей из Эреса⁴⁷ и некоторые другие. Все эти надписи в той или иной мере связаны с походом Александра, и почти во всех названо его имя. По своему характеру они весьма разнообразны: письма царя, постановления полисов, посвящения и др.

Сравнение сообщений нарративных и эпиграфических источников показывает определенное несоответствие в освещении истории отдельных городов. Так, с Приеной, например, связаны две надписи, тогда как о ней не упоминает ни один из авторов; с другой стороны, об Эфесе подробно рассказывает Арриан, но нет ни одной надписи. Как и литературные ис-

⁴³ Syll.³ I, 283; Hicks-Hill, 158; Tod, II, 192.³

⁴⁴ IvP, 1; OGIS, I, 1; Tod, II, 185.

⁴⁵ IG, V, 2, p. XXXVI sq.; A. P l a s s a r t, Règlement tégéate concernant le retour des bannis à Tégée en 324 av. J.-C., BCH, 38, 1914, стр. 104—106; Syll.³ I, 306; Schwyzer, 657; E. B a l o g h, Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great, Johannesburg, 1943, стр. 125 сл., № 281; Tod, II, 202.

⁴⁶ IG., XII, 2, № 6; Michel, 356; Hicks-Hill, 164; OGIS, I, 2; Schwyzer, 620; IG, XII, Suppl., p. 3, № 6; B a l o g h, Political Refugees..., стр. 123—125, № 280; Tod, II, 201.

⁴⁷ IG, XII, 2, 526; OGIS, I, 8; Tod, II, 191. Надпись включает по крайней мере семь contemporaneous документов. См. комментарий: Tod, II, стр. 257—263.

точники, надписи в своей подавляющей части относятся к сравнительно небольшому хронологическому отрезку — большинство датируется временем не позже 332 г. до н. э. Кроме того, есть несколько надписей времени диадохов, в которых упоминается об Александре (Колофона⁴⁸, Эритр⁴⁹, Эреса⁵⁰).!

Значение эпиграфического материала очень велико. Он позволяет глубже изучить некоторые вопросы, лишь поставленные на основании литературных источников. Так, только совместное рассмотрение литературного и эпиграфического материала дает возможность судить о характере свободы полисов. Указы Митилены и Тегей являются важнейшим дополнением к краткому сообщению Диодора. На основании этих постановлений можно конкретно представить трудности, с которыми было связано возвращение изгнанников и урегулирование всякого рода имущественных споров. Для выяснения вопроса о социальной оцере Александра в полисах, о внутриполитической борьбе важен декрет из Эреса. Сказанным далеко не исчерпывается значение надписей.

В общем авторы и надписи дают весьма разнообразный, относящийся к различным городам, но хронологически узко очерченный двумя отрезками времени (334—332 и 324 гг. до н. э.) материал, совместное изучение которого позволяет обратиться к вопросу об отношении Александра к городам Малой Азии.

По крайней мере четыре фактора определяли позицию Александра в отношении малоазийских греков.

Во-первых, господствовавшее здесь политическое устройство: персы опирались на олигархов, нередко поддерживая их власть своими гарнизонами.

Во-вторых, малочисленность армии Александра⁵¹. Во время похода часть войска оставалась в качестве гарнизонов⁵², часть погибла. Царь был вынужден постоянно заботиться о пополнении своих сил и неоднократно получал подкрепления⁵³. Вопрос о позиции городов был, следовательно, прежде всего вопросом если не о союзниках (ибо Александр не использовал военные силы малоазийских полисов), то, несомненно, о прочных тылах. Александр был заинтересован в том, чтобы привлечь города также и потому, что многие из них представляли великолепные укрепления⁵⁴. Можно думать, что ему удалось успешно разрешить эту проблему: в отличие от Балканской Греции историческая традиция не сохранила ни одного упоминания об антимакедонском выступлении или хотя бы какой-нибудь оппозиции полисов Малой Азии после завоевания.

Далее, надо учесть, очевидно, следующее обстоятельство⁵⁵: захватив огромные земли, Александр нуждался в городах как цементирующем элементе; перед царем вставали задачи организации управления, налаживания фиксальной системы.

⁴⁸ В. D. Meritt, *Inscriptions of Colophon*, *AJPh*, LVI, 1935, № 224, стр. 359—372, № I.

⁴⁹ *OGIS*, I, 223; *RC*, 15.

⁵⁰ *Tod*, II, 191, ll. 96 sqq. (V, VI, VII).

⁵¹ *Cf. Agr.*, *Anab.* I, 11, 3; *Diod.*, XVII, 17, 3—4; *Plut.*, *Alex.* XV; *de fort. Alex.* 327D—E (со ссылками на Аристубула, Птоломея и Анаксимена); *Polub.*, XII, 19, 1 (со ссылкой на Каллисфена); *Justin.*, XI, 6, 2.

⁵² *Agr.*, *Anab.* I, 26, 5; II, 1, 4 и др.

⁵³ *Agr.*, *Anab.* I, 29, 4; II, 20, 5; III, 5, 1; *Curt.*, III, 1, 24; V, 1, 40—42; 7, 12; *Diod.*, XVII, 65, 1; 95, 4; *Polub.*, XII, 19, 2.

⁵⁴ *См.*, например, об Эфесе — *Polub.*, XVIII, 40^a.

⁵⁵ *Cl. P. G. e. u. x.*, *Les villes hellénistiques principalement en Orient*, in: «*Recueils de la Société Jean Bodin*», VI: *La ville*, Bruxelles, 1954, стр. 88.

Наконец, Александр должен был считаться с официальными лозунгами войны, в которую он вступил как στρατηγὸς ἀποκράτωρ Коринфского союза. Идеи мести персам, освобождения эллинов вдохновляли греков; об этом Александр неоднократно напоминал воинам в своих речах, этим он оправдывал свои действия в письмах Дарию. После первой победы при Гранике Александр отправил из захваченной добычи 300 комплектов персидского вооружения в дар Афине Палладе с посвящением: «Александр, сын Филиппа, и эллины, кроме лакедемонян, от варваров, населяющих Азию»⁵⁶.

Вопрос об отношении Александра к полисам Малой Азии нельзя рассматривать только как ряд мероприятий и указов царя; это вопрос о взаимоотношениях городов и Александра. Характер источников позволяет выделить только один аспект этой проблемы: отношение к македонско-греческим силам. Добровольно ли сдался город или был занят войсками, оказал ли сопротивление или нет — все это имело значение в определении позиции Александра к данному полису, что (оговорим это) не исключает определенной политики по отношению к греческим городам Малой Азии в целом.

Невозможно сказать, сколько именно городов взял Александр при своем продвижении по Малой Азии, но по крайней мере не менее 60⁵⁷. Об отношении большинства из них к Александру известно немного. Арриан, наш основной автор, говорит об отдельных городах буквально по несколько слов, но сообщения эти разного характера. Прежде всего, это известия о том, что ряд городов сдались Александру, причем иногда отмечается только факт сдачи: Приан (I, 12,7), Пинары, Ксанф, Патары (I,24,4). Граждане из Магнесии и Тралл пришли сдавать свои города (I,18,1). От фаселитов пришли послы увенчать Александра золотым венком и просить дружбы, а когда многие из городов Нижней Ликии, узнав об этом, в свою очередь прислали посольства, то Александр велел им сдавать города тем лицам, кого он к ним направит, и все города, включая Фаселис, были сданы (I,24,5—6). Некоторые города сдались на особых условиях: Аспенд освобождался от гарнизона, за что должен был отдать лошадей, предназначенных в качестве дани персидскому царю, и уплатить 50 талантов (I,26,2).

Другую группу составляют известия о том, что Александр овладел городом: Даскилий (I,17,2); города между Милетом и Галикарнассом (I,20,2), городки Ликии числом до тридцати (I,24,4). Плутарх пишет, что после победы при Гранике Александр овладел Сардами и присоединил другие города (Alex. XVII).

Наконец, о некоторых сказано только, что Александр прошел через город, миновал его; на следующий день он был уже в Перкиоте, на другой день миновал Лампсак⁵⁸, отсюда прибыл в Гермот, миновав Колоны (I,12,6).

Таким образом, ряд городов сдались сами, и Арриан в этих случаях употребляет глагол ἐνδίδωμι (реже — παραδίδωμι): Πρίανον πόλιν ἐνδοθεῖσαν; о Траллах и Магнесии — ἤκον ἐνδιδόντες; о Сардах — ἤκον... ἐνδιδόντες (I, 17,3); об Аспенде — ἐντυγχάνουσιν...πρέσβεις...ἐνδιδόντες (I,26,2). О некоторых городах говорится, что Александр овладел ими, и у Арриана везде один и тот же глагол λαμβάνω: ὅσαι δὲ ἐν μέσῳ πόλεις Μιλήτου τε καὶ Ἀλικαρνασσοῦ, ταύτας ἐξ ἐφόδου λαβών.

Конечно, эта группировка свидетельств источников (вернее, за одним исключением, Арриана) весьма условна: естественно, если древний автор

⁵⁶ Arr., Anab. I, 46,7; Plut., Alex. XV.

⁵⁷ См. Bickerman, Alexandre le Grand..., стр. 358 сл.

⁵⁸ Cf. Paus., VI, 18, 2—5.

писал, что город сдался Александру, то он мог добавить, что Александр овладел им; отсюда — объединение обоих глаголов, как в I,24,4. Но вместе с тем какая-то разница здесь, очевидно, была, коль скоро Арриан пользуется разными глаголами, а в указанном отрывке, говоря о Пинарах, Ксанфе, Патарах и меньших городках, которыми овладел Александр, в отношении трех названных указывает, что они сдались. Во всяком случае общее в позиции всех этих городов — они не оказали военного сопротивления⁵⁹.

Иную группу составляют города, в той или иной форме выступавшие вместе с персами. Известно, что Зедея⁶⁰ сражалась на стороне персов против своей воли; Солы⁶¹ проявили большую приверженность к персам, но в чем это выразилось конкретно — неизвестно. Только немногие оказали действительно военное сопротивление Александру.

Чем же это объясняется? Э. Бикерман⁶², уделяя очень большое внимание вопросу о сопротивлении городов, как кажется, несколько упрощает его и считает само собой разумеющимся, что сопротивлялись граждане городов, за что и понесли наказание. Однако дело, очевидно, обстояло гораздо сложнее. В городах и при персах шла внутриполитическая борьба, которая теперь еще более обострилась. Персы и греки, олигархи, тираны и демократы — вот основные силы, выступающие в источниках. В полисах существовала персофильская группировка, прежде всего из олигархов, державшихся у власти благодаря помощи правительства: в большинстве городов находились персидские гарнизоны. Гарнизоны эти, как правило, состояли из греческих наемников, оказывавших серьезное сопротивление македонянам во время военных действий в Малой Азии⁶³. Другое направление — промакедонское, основу которого составляли демократы. Термин этот, вероятно, охватывает довольно пеструю по своему составу группировку, включавшую не только средние слои городского населения, но и зажиточных⁶⁴. Внешняя ориентация города обуславливалась наличием или отсутствием персидского войска и соотношением борющихся внутри города сил. Это положение отчасти гипотетично, ибо трудно всегда твердо сказать, кто именно сопротивлялся: источники обычно не разграничивают полис и гарнизон, очень глухо говорят и о борьбе в городах. Однако более детальное рассмотрение всего комплекса сведений позволяет внести некоторую ясность в этот вопрос.

Что сообщают источники о роли гарнизона? Парменион овладел Даскилием, покинутым гарнизоном (Агг., Anab. I,17,2). Гипарны, хотя это было неприступное место, Александр «взял с ходу», так как сдались наемники (I,24,4). Силлий взять сразу македонский царь не смог: это было

⁵⁹ Единственное здесь исключение — Аспенд, который в силу неясных для нас причин не захотел выполнить тех условий, о которых договорился с Александром, но и в этом случае дело не дошло до применения военной силы (Агг., Anab. I, 26,2; cf. I, 26,5; 27, 1—5).

⁶⁰ Агг., Anab. I, 17,2; cf. T a r n, Alexander the Great, I, стр. 31; P r e a u x, Les villes hellénistiques..., стр. 78; B a d i a n, Alexander the Great..., стр. 44, 63, прим. 31; разная интерпретация Syll. ³, I, 279, ll 6 sq.

⁶¹ Город получил демократическое правление, но за благоволение к персам Александр наложил большой штраф (часть которого затем простил), ввел гарнизон и взял заложников (Агг., Anab. II, 5,5 и 8; 12,2; C u r t., III, 7,2).

⁶² B i c k e r m a n n, Alexandre le Grand..., стр. 358 слл.

⁶³ H. W. P a r k e, Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus, Oxf., 1933, стр. 179 слл.

⁶⁴ У Арриана есть интересное свидетельство: когда в 333 г. до н. э. персы захватили Митилену и поставили у власти тирана, то они истребовали у митиленцев деньги, частично взяв их из городской казны, частью же силой отняв у имущих (χρήματα τε εἰσπράξαν... τὰ μὲν βία ἀφελόμενοι τοὺς ἔχοντας) (Anab. II, 1,5). Этими имущими были, скорее всего, приверженцы демократии и македонян, так как трудно представить, чтобы персы силой отнимали деньги у своих сторонников.

неприступное место и там стоял гарнизон (I,26,5). В Келенах гарнизон обещал сдаться, если не получит в условленный день подмоги (I,29,1—3). Серьезное сопротивление оказал Милет, который охраняли главным образом наемники (о чем совершенно определенно говорит Арриан), хотя в военных действиях принимали участие и милетяне, которых Арриан называет «друзьями и союзниками» персов⁶⁵. В Галикарнассе, осада которого представляет один из самых драматических эпизодов похода Александра, «было оставлено много чужеземных наемников, много и персидских воинов» (Агг., Анаб. I,20,3), причем в их числе — немало персов и наемников, бежавших из Милета (Diod., XVII,23,4). Что касается Тралл, то город сначала выслал делегатов, чтобы добровольно сдаться Александру (о чем см. выше), но затем, как мы узнаем, македонский царь сравнивал его с землей. При полном молчании источников невозможно сказать что-либо о причинах такой расправы. Ясно только одно — в положении Тралл произошли какие-то перемены, может быть, изменился политический строй. Учитывая общую обстановку, не исключено, что здесь появились персидские отряды, которые оказали сопротивление при поддержке своих сторонников олигархов: это и заставило Александра подвести к Траллам осадные машины⁶⁶.

Итак, прежде всего оказывали сопротивление персидские войска и гарнизоны. Но рассмотренный материал не говорит еще ничего решающего о позиции населения городов, кроме разве только того, что оно не принимало активного участия в этом сопротивлении. Исключение составляют лишь Солы, которые в силу каких-то не известных нам причин проявили большую приверженность к персам, за что и поплатились. Но этот случай неясный, о Зелее же прямо сказано, что она выступала на стороне персов против воли. Вполне понятно, что горожанам после бегства или сдачи гарнизона ничего не оставалось, как сдаться на милость победителя.

И все же можно, хотя бы в общих чертах, выяснить позицию городов по отношению к македонянам и персам.

Выше уже указывалось, что ряд городов высылали делегации с венками, добровольно сдавали города. Но и это отнюдь не выясняет истинного отношения граждан к царю, ибо подобные действия могли быть вызваны лишь пониманием неизбежности подчинения большей силе.

Чтобы уяснить действительное отношение города, нужно постараться выяснить, что происходило при приближении войск Александра, какими событиями внутри города сопровождалось изгнание персов. Решение этого вопроса с неизбежностью ставит другой вопрос, неразрывно с ним, связанный, — вопрос о внутриполитической борьбе в городах, которую как уже отмечалось, можно определить только в самой общей форме как борьбу олигархов и демократов. В такой же общей форме возможно и проследить ее. История Эфеса и островов Эгейского моря — Хиоса, Лесбоса и Тенедоса — показывает ожесточенную борьбу, которая сопровождала военные действия, уничтожение или временное восстановление здесь власти персов, показывает настроение граждан.

К началу похода Александра Эфесом управляли олигархи во главе с Сирфаком, только недавно поставленным у власти после бурных событий времени Филиппа⁶⁷. Власть их была непрочна, известие о поражении

⁶⁵ Агг., Анаб. I, 18,3—5; 19, 1—6; cf. D i o d. XVII, 22. Возможно, в городе в это время строй не был демократическим (В. H a u s s o u l l i e r, Etudes sur l'histoire de Milet et du Didymeion, P., 1905, стр. 1 сл.). В таком случае представляется более понятным определение милетян как «друзей и союзников» персов. См. также P r e a u x, Les villes hellénistiques..., стр. 79 сл.; cf. T a r n, Alexander the Great, I, стр. 32.

⁶⁶ Агг., Анаб. I, 18,4; 23,6. Cf. В a d i a n, Alexander the Great..., стр. 45 сл.

⁶⁷ О них см. В a d i a n, Alexander the Great..., стр. 40—42.

персов при Гранике еще более усилило волнения в городе, которые пока, однако, не вылились в открытое выступление с оружием в руках. Господству олигархов угрожала серьезнейшая опасность, поэтому когда Мемнон с остатками разбитого войска подошел к Эфесу, проперсидские круги поспешили открыть ему ворота; начались преследования демократов. Но через несколько дней Мемнон оказался вынужден отбыть в Галикарнасс, спеша укрепить его, наемники бежали, а вместе с ними и многие олигархи, понимая, что власти их приходит конец. Беспрепятственно войдя в Эфес, Александр сверг олигархический строй и восстановил демократию. Демос жаждал теперь, освободившись от страха, внушаемого олигархами, расправиться с ними. Ненависть к олигархам была так велика, что Сирфака, сына его Пелагонта и племянников не спасло даже святилище, и только вмешательство Александра прекратило расправу⁶⁸.

Не менее отчетливо позицию горожан выявляют события на Тенедосе, Хиосе и Лесбосе с его полисами Митиленой, Мефимной, Антиссой и Эресом, история которых в эти годы очень неравномерно освещена источниками и во многом не ясна.

Из сообщения автора XVII речи Демосфенова корпуса речей ясно, что к началу восточных походов в Антиссе власть находилась в руках тирана, изгнанного македонским царем из этого полиса, как и их Эреса⁶⁹. С Митиленой Александр заключил союз (*συνμαχία*), строй объявлялся демократическим, сторонники олигархии изгонялись. На основании союза в городе помещался гарнизон из наемников⁷⁰, что в данном случае диктовалось военными соображениями и вряд ли вызвало недовольство митиленцев, скорее наоборот (о чем см. несколько ниже). Лишь в одной Мефимне, по-видимому, сохранилась тирания⁷¹.

О Тенедосе известно только, что существовал договор его с Александром и эллинами, который обычно рассматривается как свидетельство членства острова в Коринфском союзе⁷².

⁶⁸ A g r., Anab. I, 17, 9—11. См. также P r e a u x, Les villes hellénistiques..., стр. 78; B a d i a n, Alexander the Great..., стр. 43, 45 сл. О тирании Гересия — P o l y a e n., VI, 49; cf. T a r n, Alexander the Great, II, стр. 174 сл.; B a d i a n, Alexander the Great..., стр. 64, прим. 36.

⁶⁹ P s.-D e m., XVII, 7. См. также T o d, II, стр. 258; Hicks-Hill, стр. 300; ср., однако, Welles, R C, стр. 14, прим. 1. Об Эресе см. также прим. 76.

⁷⁰ Обо всем этом мы узнаем, так сказать, ретроспективно — из рассказа Арриана об условиях сдачи полиса персам в 333 г. до н. э. (A g r., Anab. II, 1,4). О характере *συνμαχία* cf. B a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander..., стр. 30—32; H. P i s t o r i u s, Beiträge zur Geschichte von Lesbos im vierten Jahrhundert v. Chr., Bonn, 1913, стр. 63 сл.; E h r e n b e r g, Alexander and the Liberated..., стр. 20, 30 сл.; T a r n, Alexander the Great, I, стр. 34; T o d, II, p. 293; B a d i a n, Alexander the Great... стр. 50.

⁷¹ Тирани Мефимны Аристоник был захвачен в 332 г. до н. э. на Хиосе, куда бежал, не зная, что остров уже в руках Александра (A g r., Anab. III, 2,4). См. также P o l y a e n., V, 44, 3. Cf. B a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander..., стр. 34 сл.

⁷² A g r., Anab. II, 2,2. Cf. B a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander..., стр. 29 сл.; B i c k e r m a n n, Alexandre de Grand..., стр. 355; E h r e n b e r g, Alexander and the Liberated..., стр. 22; T h. L e n s c h a u, Alexander der Grosse und Chios, Klio, Bd. 33, 1940, Ht. 3, стр. 214 сл.; T a r n, Alexander the Great, I, стр. 31. Обращает на себя внимание одно различие у Арриана: если в отношении митиленцев он говорит о договорах с Александром (*τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον...στῆλας*) (Anab. II, 1,4), то применительно Тенедоса — о договорах с Александром и эллинами (*τὰς στῆλας τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἑλληνας*) (II, 2, 2). Леншнау объясняет это небрежностью Арриана (стр. 214; cf. E h r e n b e r g, стр. 22). В литературе нового времени неоднократно отмечалось, что Арриану недостает точности в выражениях (B a d i a n, Alexander the Great..., стр. 50 (именно в связи этим различием у Арриана), стр. 54; о н ж е, The Administration..., стр. 168; G. W i r t h, Die Syntaxeis von Kleinasien, 334 v. Chr., Chiron, Bd. II, 1972, стр. 91; A. J. H e i s s e r e r, Alexander's Letter to the Chians: a Redating of SIG³ 283, Historia, Bd. XXII, 1973, Ht. 2, стр. 195, прим. 18).

Свержение олигархов в 334 г. до н. э. не ослабило, а скорее, наоборот, усилило борьбу в городах; не было сломлено еще и сопротивление персов. К следующему: 333 г. до н. э., относится деятельность Мемнона в районе этих островов, которая привела к существенным изменениям. К этому времени македоняне достигли значительных успехов, персы были дважды разбиты, при Гранике и Иссе, в руках македонян оказались Мисия, Лидия и Кария с крупнейшими городами Малой Азии — Эфесом, Сардами, Милетом, Галикарнассом, но исход войны далеко еще не был ясен. Частью контрнаступления персов были действия Мемнона, который перенес войну на море, стремясь прервать связь Александра с Европой и рассчитывая использовать ненависть греков Балкан к македонянам. Прежде всего он овладевает Хиосом, причем при помощи олигархов, предавших ему город⁷³. Этих самых олигархов во главе с Аполлономидом, Фисинном и Мегареем персы и ставят у власти. Власть их в городе не имела никакой опоры, управляли они, по словам Арриана, насильственно (βίαι) (III, 2, 5).

Затем Мемнон отправляется к Лесбосу, где, являясь (другом и ксеном) отца тирана Мефимны Аристоника (Polyaen., V, 44, 3), обращает в бегство Хареса, незадолго перед этим приплывшего для уничтожения тирании, и занимает другие города, кроме Митилены, где наличие македонского гарнизона дало возможность городу оказать сопротивление персам⁷⁴.

Мемнон осадил Митилену, но вскоре умер и его заменил Фарнабаз. Город, оказавшись отрезанным с суши и моря, сдался на следующих условиях: митиленцы расторгают все договоры с Александром и становятся союзниками Дария, какими были ранее по Анталькидову миру; наемники Александра, находившиеся в Митилене в силу союза (κατὰ συνμαχίαν), покидают город; возвращаются изгнанные, вероятно в 334 г. до н. э., олигархи, которые получают половину своего имущества (Arr., Anab. II, 1, 4).

Таким образом, условия капитуляции свидетельствуют о том, что персы вынуждены были пойти на ряд уступок: изгнанникам возвращается лишь половина имущества, македонский гарнизон получает право свободно уйти. Последнее условие заслуживает особого внимания для решения поставленного вопроса, так как, по-видимому, дает основание говорить о приверженности митиленцев к греко-македонянам: вместе с ними митиленцы отстаивали свободу города, и когда перевес сил персов заставляет их сдать город, то предусматривается безопасность гарнизона.

Овладев городом, Фарнабаз ввел свой гарнизон и поставил у власти тирана Диогена — одного из вернувшихся после изгнания олигархов (Arr., Anab. II, 1, 5).

Такую же вражду к персам проявил Тенедос. Для выяснения позиции полисов Малой Азии весьма показательно объяснение Аррианом причины, побудившей тенедосцев сдаться. Арриан пишет, что Фарнабаз, появившись с флотом у острова, потребовал разорвать все договоры с Александром. Тенедосцы были более расположены к Александру и эллинам (τά μὲν τῆς εὐνοίας ἐς Ἀλέξανδρον τε καὶ τοὺς Ἕλληνας ἐποίησε μᾶλλον), но сочли, что в данное время спасение заключается в покорности персам, поскольку на скорую помощь Гегелоха рассчитывать тогда не приходилось. Поэтому они и сдались, φθῶ μᾶλλον ἢ ἐθέλοντας (Anab. II, 2, 2 sq.). Итак, лишь недостаток сил у македонян заставил тенедосцев подчиниться персам.

⁷³ Arr., Anab. II, 1, 1; См. также Tod, II, 192, l.11 (если следовать традиционной датировке эдикта Александра 332 годом до н. э.; ср., однако, Heisseler, Alexander's Letter to the Chians..., стр. 191 сл.).

⁷⁴ Arr., Anab. II, 1, 1—2 и 4; Dio d., XVII, 29,2; 31,3. См. также выше.

В города персы поставили гарнизоны, жителей в наказание обложили большими налогами ⁷⁵, что еще раз свидетельствует о позиции населения этих островов. При поддержке персидского войска здесь господствуют олигархи и тираны. Деятельность одного из них — Агониппа в Эресе — известна благодаря надписи о суде над ним ⁷⁶. В надписи сообщается, что Агонипп окружил осадными машинами акрополь, где заперлась часть граждан. Он принудительно взыскал с граждан 20 000 статов, «грабил эллинов». Начав войну с Александром и эллинами, он разоружил граждан и «массой» (*πανόμι*) изгнал их из города, а их жен и дочерей захватил, запер на акрополе и взыскал 3 200 статов. Вместе с разбойниками (*μετὰ τῶν λαϊστῶν*) ⁷⁷, ограбив город и храм, Агонипп поджег их, причем в огне погибло много граждан ⁷⁸. Грабеж, разорения, пожары, бесчинства — такой рисуется жизнь в Эресе под властью тирана.

К весне 332 г. до н. э. силы Гегелоха значительно увеличались, что позволило тенедам присоединиться к Александру. Арриан еще раз подчеркивает, что под властью персов они находились против желания (*ἄκοντες*) и как только обстоятельства позволили, сами освободились от нее (Агг., *Anab.* III, 2, 2).

Отчетливо проявилась приверженность демоса к Александру и на Хиосе. Кажется возможным следующим образом восстановить события на острове на основании рассказа Курция Руфа: хотя Фарнабаз поместил здесь гарнизон, демократам, очевидно, на какое-то время удалось захватить власть в свои руки. По словам Курция, хиосцы призвали полководцев Александра Амфотера и Гегелоха, но Фарнабаз заключил под стражу лиц, держащих македонскую сторону, и снова передал город Аполлониду и Афенагору — приверженцам персов (*suorum partium viris*), дав им для охраны военный отряд. Именно это выражение «снова... передал» (*reversus... tradit*) и позволяет считать, что олигархи на некоторое время лишились власти. Курций указывает, что все это произошло после занятия Амфотером и Гегелохом Тенедоса, действовал же на Хиосе Фарнабаз, поэтому возможно предположить, что речь идет не о смене демократии олигархией в 333 г. до н. э., а о более поздних событиях (IV, 1, 37; 5, 14 сл.).

Если это так, то Арриан несколько иначе описывает события на Хиосе: Фарнабаз, узнав о поражении персов при Иссе, поспешил к Хиосу, где стоял персидский гарнизон, боясь, как бы хиосцы не восстали. Следует обратить внимание на самый глагол *ὑπερτίθειν*, который имеет значение «совершать государственный переворот». Фарнабаз прибыл вовремя, так как успел предупредить отпадение города (II, 13, 4 сл.).

Возможно, я неверно понимаю текст Курция ⁷⁹, но как бы то ни было, несомненно одно: в городе шла ожесточенная внутренняя борьба, которая

⁷⁵ Агг., *Anab.* II, 1, 5; *Curt.*, IV, 1, 37.

⁷⁶ На основании идентичности предъявленных Агониппу и Эврислаю обвинений (Tod, II, 191, ll. 7—13; cf. ll. 43—55) считают, что ко времени похода Александра в Эресе правило два тирана, возможно, братья. Изгнанные в 334 г. до н. э., они были восстановлены персами у власти в 333 г. до н. э. (см. Tod, II, стр. 258 сл.; IG, XII, Suppl., стр. 66 сл.; *W a u m b a c h, Kleinasien unter Alexander...*, стр. 33—35; *P i s t o r i u s, Beiträge zur Geschichte von Lesbos...*, стр. 65—71). Русский перевод строк 1—32 надписи из Эреса см. Г. Пригоровский, Греция, М.—Л., 1925, стр. 25, № 8.

⁷⁷ Имеются в виду, вероятнее всего, наемники, находившиеся на службе персов (Hicks—Hill, стр. 300) или самих тиранов.

⁷⁸ Очевидно, в этих сохранившихся строках надписи, содержащих перечень преступлений Агониппа против народа, говорится и о военных действиях 333 г. до н. э., когда, следовательно, экс-тиран помогал Мемнону восстановить свою власть.

⁷⁹ Cf. *Q u i n t e - C u r c e, Histoires. Texte établi et traduit par H. Bardon, t. I, P., 1947, стр. 66 прим. 1.*

тесно переплеталась с военными действиями персов и греко-македонян и в которой ясно проявляется позиция горожан.

Решительные меры, принятые персидским полководцем, не сломили сопротивления сторонников македонян. По словам Курция, военачальники Александра надеялись не столько на свои силы, сколько на большую приверженность осажденных к грекам, и эта надежда не обманула их (IV, 5, 16). Между Аполлонидом и Фарнабазом произошли какие-то разногласия, чем тотчас же воспользовались демократы. Как только македоняне ворвались в город, их сторонники, перебив персидский гарнизон, схватили и передали Амфотеру и Гегелоху Фарнабаза, Аполлонида, Афинагора и других. Ночью в порт вошли пиратские суда, на одном из которых находился тиран Мефимны Аристоник: он не знал о последних событиях на Хиосе. Стража впустила суда и, заперев вход в гавань, схватила тирана⁸⁰. Может быть, хиосцы выступили одновременно или даже несколько раньше греко-македонских сил, что и дало основание Арриану так кратко истолковать эти события: хиосцы ввели македонян в свой город, одолев владевших ими ставленников Автофрадата и Фарнабаза (Anab. III, 2, 3).

В дальнейшем были освобождены Митилена, где персидское войско сопротивлялось недолго, и другие города Лесбоса⁸¹. Всех тиранов и олигархов с Хиоса привезли в Египет к Александру, который отослал каждого в свой город на суд народа, а хиосских олигархов отправил на Элефантину⁸².

Вероятнее всего, именно с этими событиями и связана упоминавшаяся выше надпись из Эреса⁸³. После перечисления всех преступлений, совершенных Агонишпом против города, надпись содержит следующее постановление: судить Агонишпа путем тайной подачи голосов, подлежит ли он смерти. В случае осуждения на смерть должно быть произведено второе голосование о способе казни. Если кто-нибудь после осуждения Агонишпа приведет его детей или вынесет предложение об их возвращении или возврате им имущества — пусть будет проклят он и его род и пусть будет к нему применен закон против того, кто разрушает надпись против тирана и его потомков. Жестокими мерами граждане стараются предотвратить возможность появления новой тирании; даже выступление с предложением о возвращении детей тирана строго преследуется. Показателем результат голосования: из 883 человек голосовали за осуждение 876, за оправдание только 7, т. е. менее 1% (Tod, II, 191, сткк. 15—32).

Рассмотренные события в Эфесе, на Тенедосе, Хиосе и Лесбосе позволяют, хотя и в самой общей форме, ответить на поставленный вопрос об отношении полисов к Александру и на органически связанный с ним другой вопрос — о борьбе в городах. В полисах шла ожесточенная борьба олигархов и демократов, которая переплеталась с военными действиями. И если олигархи были настроены промакедонски, участвуя вместе с персидским войском в борьбе с греками и демократами, то последние выступали на стороне Александра, видя в нем освободителя и активно помогая ему.

⁸⁰ А г г., Anab. III, 2, 3—5; Curt., IV, 5, 16—21.

⁸¹ А г г., Anab. III, 2, 6; Curt., IV, 5, 22.

⁸² А г г., Anab. III, 2, 5 и 7; Curt., IV, 8, 11. Поступок Александра, противоречащий тому, что было предписано им самим в письме Хиосу (Tod. II, 192, II. 13 sq.), довольно оживленно обсуждался учеными нового времени, вызвав различные объяснения. Из последних работ см. В а d i a n, Alexander the Great..., стр. 53; Н e i s s e r, Alexander's Letter to the Chians..., стр. 203 (где приведена более ранняя литература).

⁸³ См. Tod, II, стр. 259; ср., однако, Welles, RC, стр. 14.

Все эти обстоятельства имели большое значение для политики Александра по отношению к городам, позиция же Александра и его мероприятия, проведенные в городах, в свою очередь влияли на отношение малоазийских греков к нему. В то время когда Александр шел по Малой Азии, занимая один город за другим, отношение полисов к македонянам не могло не учитываться. Галикарнасс и Траллы оказали сопротивление и были разрушены. Но это не имело такого огромного значения, какое придает ему Э. Бикерман. Как уже отмечалось выше, Александром было взято более 60 городов, оказали же сопротивление, насколько нам известно, немногие из них⁸⁴.

Цель данной работы заключается не в том, чтобы дать определенные ответы на поставленные вопросы. Историографический очерк показывает, сколь различными могут быть выводы, к которым приходят ученые, хотя исходят они, в сущности, из одних и тех же источников. Наша цель более скромна: сопоставив свидетельства источников, сделав попытку проанализировать некоторые из них под определенным углом зрения, учтя при этом опыт предыдущих работ, попытаться выделить перспективные направления в изучении проблемы взаимоотношений Александра Македонского и греческих городов и более четко обозначить «белые пятна». Думается, что только таким образом можно продвинуться вперед в решении этой, казалось бы, безнадежно запутанной проблемы.

По всей видимости, одной из важных задач является более углубленное источниковедческое исследование письменных источников. Хорошо известно, как много сделано для изучения письменной традиции об Александре Македонском, однако все-таки в центре всех этих исследований по-прежнему остается личность самого македонского царя. Данные Арриана, Диодора и Плутарха о городах также анализируются главным образом под углом зрения развития античной историографической традиции об Александре и поэтому, как правило, вырываются из общего контекста. Видимо, следует попытаться провести источниковедческий анализ, основным объектом которого станут малоазийские полисы.

Недостаточно еще изучена социальная и политическая история греческих городов Малой Азии в эпоху персидского господства. Исследователи, как правило, ограничиваются указаниями на то, что персы поддерживали олигархов. Думается, что более глубокое изучение этого круга вопросов позволило бы лучше выявить и характер событий, происходивших в этих полисах в период походов Александра. В частности, особенно нуждаются в разработке вопросы о степени зависимости полисов (и фактического и юридического) от Ахеменидов, социальной опоре персов в полисах, взаимоотношениях царя, сатрапов и греческих городов.

С этим кругом вопросов связан еще один — относительно той борьбы, которая происходила в малоазийских городах в годы похода Александра. Современные исследователи, как мы это старались показать, делают акцент на одной стороне: на планах, намерениях и политике македонского царя. Внутренние события в полисах или остаются вне поля зрения, или, чаще всего, о них говорят без достаточного анализа. Между тем политика Александра Македонского в значительной мере диктовалась обстановкой в самих городах. В связи с этим особенно интересен вопрос об «исключениях»: большинство городов добровольно перешло на сторону греко-македонян, и только немногие из них оказали

⁸⁴ Отрицая дарование свободы как элемент определенной политики, Э. Бикерман рассматривает этот вопрос статично, упуская из вида то важное обстоятельство, что в 334—333 гг. до н. э. Александра еще не завоевал Малой Азии, и когда он, согласно Арриану (I, 18,1), послал Алкимаха в Эолиду и Ионию, то имел в виду города, «которые еще были под властью варваров» (πρὸ τοῖς βαρβάροις ἔτι ἦσαν).

вооруженное сопротивление. Встает вопрос о причинах такой позиции и об истоках ее.

Далеко недостаточно, как представляется, выявлена динамика развития взаимоотношений между Александром и греческими городами Малой Азии. Внимание ученых привлекают только события начала и конца периода: времени военных действий в Малой Азии и времени указа об изгнанных. Несмотря на всю скудость источников, возможно, следует все-таки попытаться выяснить, что происходило в полисах в годы между этими двумя крайними хронологическими точками.

Наконец, укажем еще на один аспект проблемы: анализ концепции свободы и автономии греческих городов носит обычно слишком «замкнутый» характер, сосредотачиваясь главным образом на свидетельствах времени Александра. Нам представляется перспективным более развернутое изучение этих понятий — в собственно греческом и греко-варварском мире на протяжении, по крайней мере, периода с конца V в. до н. э. Без такого анализа понятий «свобода» и «автономия» в применении к полисам Первого и Второго Афинского морского союзов, Коринфского союза и др., вообще в применении к полисам, находящимся в той или иной степени зависимости от внешних сил — греческих или варварских, других полисов или властителей, выводы о характере «свободы» и «автономии» полисов Малой Азии в годы «освобождения» их Александром Македонским будут иметь относительную ценность.

ALEXANDER OF MACEDON AND THE CITIES OF ASIA MINOR

L. P. Marinovich

The article opens with a survey of modern opinion on Alexander's policy regarding these cities (A. Baumbach, E. Bickerman, W. W. Tarn, V. Ehrenberg, A. B. Ranovich, E. Badian). The author treats the question from the standpoint, not of the measures taken by the Macedonian king in regard to the cities, but of their mutual relations. The nature of the sources tends to direct attention to one side of the problem: what was the attitude of the cities to the Graeco-Macedonian troops? Consideration of the events in Ephesus, Tenedos, Chios and Lesbos in 334—332 B. C. makes it possible to answer this question in a most general sense and also another one organically connected with it, that of the political conflicts within the cities. In conclusion the author suggests further directions for research which she thinks promising.
